

Муниципальное бюджетное общеобразовательное учреждение
«Майская средняя общеобразовательная школа
имени Евгения Леонидовича Чистякова
муниципального района «Амгинский улус (район)»
с.Покровка Амгинского улуса Республики Саха (Якутия)

«Ат-Даван» и его песни.

(По рассказу В. Г. Короленко)

Выполнила: ученица 8 класса
Михайлова Арина.
Руководитель: Пелепейкина Г.А., учитель
технологии

2022 г

Содержание.

Введение.....	3
1.1 Литературное творчество В.Г. Короленко в слободе Амга.....	5
1.2 «Груженники сибирских дорог» (ямщики).....	7
1.3 Ат-Даван и его песни.....	9
Заключение.....	18
Литература.....	20

Введение

Якутия была присоединена к российскому государству и объявлена «государевой землей» в середине XVII века. В 1698 году Петр Первый издал указ о создании Сибирского почтового тракта от Москвы до Якутска. И уже в следующем году по нему отправился первый почтарь, который, среди прочих документов, вез первое письмо в Якутск. Частью Сибирского тракта стал Иркутско-Якутский почтовый тракт, протяженность которого составляла 2895 километров. А уже из Якутска со временем разошлись местные тракты: Аянский, Верхоянский, Вилюйский. Первое время к ямщицкой работе пытались привлекать коренное население — якутов. Однако они очень скоро начали любыми путями избегать этой обременительной обязанности. Инструментов воздействия на них у властей было немного. Поэтому с 1770-х годов якутов решили освободить от ямщицкой повинности и заменить ссыльными русскими крестьянами. Тогда таких крестьян называли «переведенцами». В 1743 году служивый человек Захар Баишев по заданию воеводской канцелярии впервые основал 28 станций от Витима до Якутска. С этого года начинается летоисчисление государственного ямщицкого почтового тракта. Иркутско-Якутский почтовый тракт, объединивший судьбы русского и якутского народов, имел огромное значение для нашего северного края.

Иркутско–Якутский тракт протяженностью 2895 километров действовал круглый год, причем большая его часть тянулась вдоль берега Лены. Здесь почта, в зависимости от времени года, доставлялась на разных видах транспорта. Местом сбора корреспонденции, адресуемой в Якутск и далее на восток, была почтовая станция Верхоленская. Отсюда почта шла то на крытых судах по реке Лене, то на санях по льду, то на вьючных лошадях. И так каждые две недели. Район отличался крайним бездорожьем, почта из Иркутска приходила в Якутск иногда через 30 дней.

У ямщиков не было ни выходных, ни праздников. Ночью ли, днем ли приходили в село почтовые повозки, надо было в течение часа запрячь «свежих» лошадей, переложить тяжелые

баулы с саней на сани и выехать. При этом не учитывалось, метет ли пурга, идет ли снег, трещит ли 50-градусный мороз. На каждую лошадь - десять пудов груза и один пассажир.

Ямщики менялись: очередной ждал наготове с заготовленными лошадьми. Существовало жесткое расписание: за час нужно было покрыть девять километров. В случае опоздания ямщиков штрафовали – три рубля за полчаса промедления.

Трудная доля досталась ямщицкому сословию..

Ямщик (от монг. ямчи — проводник или «дзям» — дорога), устаревшее — «ямской охотник»[1], — человек, занимающийся грузовыми и/или пассажирскими перевозками на гужевом транспорте. До широкого распространения железнодорожного транспорта ямщики имели важнейшее значение для экономики России, осуществляя львиную долю коммерческих наземных перевозок.

Цель, задачи: Изучить историю становления Иркутско-Якутского ямщицкого тракта, сопоставить с произведением В. Г. Короленко «Ат-Даван».

Задачи:

- собрать материал «По следам государевых ямщиков»;
- изучить произведения писателя В. Г. Короленко , где есть описание жизни ямщиков.

Актуальность темы: изучая историю родного края прийти к выводу, что без прошлого нет настоящего. Иркутско-Якутский ямщицкий тракт связан с событиями и жизнью многих известных людей .

Ожидаемый результат: Изучая исторические факты, мы многое узнаем из прошлого и учимся ценить наше настоящее.

1.1 Литературное творчество В.Г. Короленко в слободе Амга.

Фигура ямщика запечатлена во многих произведениях литературы В.Г. Короленко Творчество Короленко падает в основном на третий этап освободительного движения в России, который характеризуется движением самих масс, руководимых единственно до конца революционным классом-пролетариатом, его авангардом – коммунистической партией. Отсюда новое в творчестве В.Г. Короленко-показ процесса революционизации народа.

Народный заступник, ненавидевший царское самодержавие, В.Г. Короленко принимал самое активное участие в общественной жизни своего народа. Господствующей, основной мыслью пишет В.Г. Короленко в «истории моего современника», - своего рода фоном, на котором я воспринимал и видел явления, стала мысль о грядущем перевороте, которому надо уготовить путь... Страшные эти будут дни. Но они будут, если жива душа народа, - а душа его жива».

Вся жизнь В.Г. Короленко и была «уготовлением пути» грядущему перевороту, который должен был принести свободу и независимость России и её народам.

Тернистым был жизненный путь народного заступника. В 1876 году за подачу коллективного заявления студентов, направленного против полицейского режима, Короленко в числе трёх депутатов был исключён из Петровско – Разумовской академии. Однако дело не ограничивалось исключением Короленко из числа студентов. Через несколько дней его арестовали, посадили в полицейскую часть и затем отправили в ссылку. Более года он провёл в Кронштадте как политический ссыльный.

Дальнейшие попытки получить высшее образование ни к чему не привели. В.Г. Короленко было отказано в восстановлении Петровской Академии, не смог он учиться и в Петербургском горном институте, куда ему удалось поступить.

В то время В.Г. Короленко считался «политически-неблагонадёжным», состоял на подозрении у полиции. Вскоре, после того как народники убили шефа жандармов Мезенцева, Короленко был арестован и без всяких на то оснований посажен в тюрьму. С 1879 года в его жизни начинается непрерывная полоса ссылок. Здесь-то и пригодилось знание сапожного ремесла, как источник существования.

В.Г. Короленко перенёс тяжкие лишения в вишневолоцкой тюрьме и тобольском военно-кааторжном каземате, ссылки в Вятскую и Пермскую губернии.

01 марта 1881 года народники убили царя Александра II. Новый царь, Александр III, жестоко расправившись со всеми подозрительными людьми, чтобы часть политических ссыльных была приведена к специальной присяге на верность его интересам. В.Г. Короленко, который отбывал в то время ссылку в Перми, на требование присягнуть ответил мужественным отказом. Он не подписал присягу царю, власть которую казалось ему несправедливой, направленной против интересов народа. Последствия этого отказа не заставили себя ждать.

В деле «государственного преступника» - «сапожника и живописца» В.Г. Короленко – появилась резкая характеристика, требовавшая самых суровых наказаний. Короленко был арестован и отправлен в отдалённую ссылку – в слободу Амга Якутской области.

По пути в новое место ссылки в течение трёх месяцев В.Г. Короленко пришлось побывать в Тобольской, Томской, Красноярской, Иркутской и Якутской тюрьмах.

Даже во время коротких передышек в пути его не оставляли на свободе.

24 ноября 1881 года, в сопровождении жандарма и конвойного солдата, он был доставлен в Якутск, а отсюда после пятидневного заключения в тюрьме в сопровождении местного казака направлен на место поселения в слободу Амга, где и прожил около трёх лет.

Амга, как в целом вся Якутия в те времена, служила местом ссылки политических преступников. В начале 1880 годов в Амге и неподалёку от неё находилось немало политических ссыльных. Из них наиболее видные: Васильев Н.В. - в 1863 году по обвинению в злоумышлении на жизнь Александра III и в составлении и распоряжении «возмутительных воззваний», приговорённый к смертной казни, замененной десятью годами каторги и, в 1872 году поселен в слободе Амга; Панин И.И., Вайнштейн И. Я., и Павлов А. П., сосланные за революционную деятельность, Вырембовский Ю. и Пекарский Л.М., поселенные здесь за участие в польском восстании 1863 года. Здесь же был Ромась М.А., которого позднее А.М. Горький любовно описал в книге «Мои университеты» и другие.

Со всеми политическими у В.Г. Короленко установились дружеские отношения. В самых хороших отношениях он был и с местным населением. О. В. Аптекман в книге «Общество», «Земля и воля» 70-х годов» говорит, что в Амге вокруг В.Г. Короленко образовался своего рода идеологический центр, куда съезжались политические ссыльные из разных улусов. «Тут – пишет он, - мы находили отдых, мир, отраду души; тут мы делились своими мыслями, чаяниями и стремлениями, проверяя себя, черпая силу, поддержку в предстоящей многим из нас домом ещё жизни поневоле. Тут же выступали мы с первыми литературными опытами. В.Г. Короленко прочёл нам «Сон Макара» и «Соколинец».

В Амге В.Г. Короленко поселился сперва в пустующей нежилой юрте на краю слободы, а затем в доме крестьянина – бедняка Захара Цыкунова, который стал прототипом Макара в широко известном рассказе «Сон Макара». Это произведение, по удачному выражению Розы Люксембург, одним взмахом поставило В.Г. Короленко в ряд с большими художниками русской литературы.

Живя в Амге, В.Г. Короленко занимался сельским хозяйством. В июне 1882 года он писал своему сослуживцу по Перми – А. К. Малакову: «Ведём существование хлебопашцев. Мои товарищи Панин и Вайнштейн имеют хозяйство, к которому примкнул и я. Работы идут успешно. Вспахали сами 14 пудов земли (здесь земля меряется пудами, шесть пудов составляют казённую десятину). Кроме того, имеем огород, где посеяли капусту, картофель и вообще всякую овощ. Теперь отдыхаем до сенокоса, занимаемся работами по дому и огороду. Ждём урожая, интересуемся погодой, ходим или ездим верхом на пашню смотреть всходы».

В.Г. Короленко занимался кроме того, педагогической деятельностью, обучая детей местных жителей, а также сапожным ремеслом, охотой и рыболовством.

Жизнь в Амге дала В.Г. Короленко как художнику много. Природа, местное население, его нравы и быт послужили богатым материалом для его художественных произведений. Такие

произведения как: «Сон Макара», «Марусина заимка», «Ат – Даван», «Государевы ямщики», «Соколинец», «Последний луч», «Мороз», «Огоньки» и другие были написаны либо в амгинской ссылке, либо позднее под впечатлением, связанным с Амгой.

Воспоминаниям о якутской ссылке посвящена и почти вся четвёртая книга «История моего современника», в которой В.Г. Короленко даёт историю целой эпохи, историю целого поколения. Якутская природа во всей её своеобразной красоте особенно привлекала В.Г. Короленко. Его описания тайги полны непередаваемых поэтических красот и глубокой жизненной правды. Лучшие по своим художественным достоинствам страницы сибирских рассказов В.Г. Короленко посвятил описанию реки Лены. Но основное место в них занимает описание жизни и быта людей. Человек и его стремление к счастью всегда стояли в центре внимания писателя – гуманиста и демократа.

Фигура ямщика запечатлена во многих произведениях литературы

1.2 «Труженики сибирских дорог» (ямщики)

Народ является основным героем рассказов В.Г.Короленко о ямщиках. В них на фоне ямщицкой среды выступают наиболее яркие ее представители, которых А.И.Малютина называет «тружениками сибирских дорог» [15:64]. Писатель сблизился с ними во время скитаний и пребывания на почтовых станциях, его интересовала не только история, но и современная жизнь «ямщицких общин» и слагавшиеся там песни, легенды и предания. Ямщицкая тема затронута в произведениях «Ат-Даван», «Последний луч», «Мороз», «Государевы ямщики», «Феодалы». В этой группе рассказов герои или автор обычно находятся в пути, и действие сопровождается аккомпанементом дорожного колокольчика, который звучит то «отчаянно», то «судорожно», то «часто и тревожно» и сливает свою «бесконечную песню» со звоном тайги и ветра.

История ленских ямщицких общин, их возникновение описаны в «Государевых ямщиках»: «Когда-то давно по реке проехали землемеры и чиновники, высматривая из лодки места, годные для поселения, и по глазомеру определяя расстояние. Потом из разных мест пригнали мужиков и поселили на голых камнях. Мужики <...> плакали и били кайлами углубления порой в сплошном камне. В ямы вставляли столбы, на столбы клали венцы и строили избы и юрты. <...> И с тех пор они живут здесь столетия...».

А.И.Малютина, ссылаясь на Н.А.Полевого, отмечает, что в среде ямщиков сохранились феодально-крепостнические пережитки [15:66-67]. «Государева служба» разлученных с землей и прикрепленных к ленским скалам крестьян состояла в несении кабальных повинностей: исправление дорог и мостов, доставка дров, прогон почты, провоз заседателей и исправников, содержание сирот, кормежка арестантов и ссыльных, отправляемых в Сибирь. В рассказах В.Г.Короленко правдиво изображает суровые порядки ямщицких общин: «Если лошадь пала, на ямщика навалит ее работу: он будет грести летом или таскать лодки лямкой. <...> Если работник захворал или умер, – семья тоже вымирает медленной смертью...»). Безземельные ленские ямщики всецело зависели от почтовой гоньбы, а цены на нее устанавливались чиновниками крайне низкие. В этой «гиблой стороне» «корма – дороги». В этом В.Г.Короленко, отправленный из ссылки этапным порядком, убедился лично. В письме якутскому губернатору от 18 октября 1884г. он писал: «Что такое Ленский тракт? <...> голые камни или снежные заносы <...>, метели осенью или совершенно сверхштатные морозы зимой; наконец – полная невозможность достать хлеба даже за деньги» [7:175]. И люди вынуждены жить в таких трудных условиях, которые станционный смотритель Кругликов из рассказа «Ат-Даван» характеризует как места, где нет «ни покою, ни пищи» [11:62]. Не благоустроенность дорог, суровый климат, угроза разбойничьих нападений требовали от ямщиков смелости, выносливости и знания природы. Нужно было приспособляться к своеобразию сибирского климата, к различным неудобствам: в рассказе «Последний луч». Речь идет о «сиротливом Ат-Даване» и Ньюском станке, расположенных на отвесных скалах,

где растёт лишь «жидкая лиственница». И люди здесь – «бледные, угрюмые, хмурые», «лес, камни <...> и люди, как камни» [10:301].

Подводя итог сказанному, отметим, что положение, в котором находились сибирские ямщики, было крайне тяжёлым. Отсутствие подспорья в виде занятий земледелием, ничтожность оплаты почтовой гоньбы, посягательство на даровый труд ямщиков со стороны всевозможных действительных и мнимых начальников обусловили безвыходную нищету станочников. В.Г. Короленко отмечал, что «не встречал людей в таком тяжёлом положении, как эти ленские станочники. <...> Бедность на некоторых станках доходит до потрясающих размеров...» [10:12]. В постоянной борьбе с нуждой и суровой природой, перед лицом которой они чувствуют себя «маленькими и беззащитными», протекало существование «несчастных, полуголодных и угрюмых» ямщиков [6:95]. «Большинство этих забытых жизнью «государевых ямщиков» производят впечатление медленного вымирания, – писал В.Г. Короленко [10:11]. Они болезненны, бледны, печальны и хмуры, как эти берега. Свою родную реку они зовут «проклятою» или «гиблой щелью» и уверяют с полным убеждением, будто «начальники» не верят в бога, отчего земля ни одного из них не принимает в свои недра». [15:73]. «Что губернаторы, что исправники, что заседатели, все одно. <...> Положат его в домовину, он так сквозь землю и пойдёт, пойдёт в самые, видно, тартарары!»». В этих словах ямщиков сказались характерная для народа убежденность в том, что даже земля не принимает таких неправедных и жестоких людей, как эти начальники.

1.3 Ат-Даван и его песни

Из рассказа В.Г. Короленко

В ямщицкой огромный камелёк, плотно сбитый из глины, зиял, точно раскрытая огненная пасть сказочного чудовища. Огонь с невероятной силой рвался в трубу, как будто целая река пламени струилась кверху. Наклонные стены юрты то тесно сдвигались, охваченные багряным отблеском, то утопали чуть заметно во тьме; тогда юрта казалась огромною пещерой с тёмными сводами. Группа огненных же фигур, будто только что отлитых из не остывшего ещё металла, сомкнулась полукругом около камина. В середине, уставившись на огонь задумчивыми глазами и опершись подбородком на руки, сидел молодой станочник с резко инородческими чертами, представитель этого странного, наполовину объякутевшегося населения средней Лены. Из горла его лились, примешиваясь к шипению и треску пламени, странные — то протяжные, то истерически прерывистые звуки. Это была якутская песня-импровизация — песня, в которой только привычное ухо может уловить признаки своеобразной гармонии.

Молодой станочник пел, остальные слушали, изредка поощряя певца резкими, произвольными короткими восклицаниями. Дикая тайга, каменистые тропинки над Леной, угрюмый и сиротливый Ат-Даван имеют свои песни. Певец-станочник пел об усилившемся морозе, о том, что Лена стреляет, что лошади забились под утёсы, что в камине горит яркий огонь, что они, очередные ямщики, собрались в числе десяти человек, что шестёрка коней стоит у коновязей, что Ат-Даван ждёт Арабын-тойона, что с севера, от великого города, надвигается гроза и Ат-Даван содрогается и трепещет...

Я стал в тени, не замеченный, и слушал песню станочника об Арабын-тойоне... Арабин, Арабин!.. Я где-то слышал эту фамилию. Мне стоило значительного усилия отодвинуть от себя сказочную фигуру, и из-за неё в моей памяти выдвинулась другая. В Иркутске, в знакомом доме, я несколько раз встречал — правда, мимоходом — казацкого хорунжего с этой фамилией. Это был человек ничем не выдававшийся, молчаливый, слегка даже застенчивый тою особою застенчивостью, которою отличаются болезненно-самолюбивые люди. Я едва заметил его тогда, но потом слышал, что он чем-то обратил на себя внимание тогдашнего генерал-губернатора и что его употребляют для «особых поручений». Неужели это он? Неужели это о нём я слышу теперь по всему пути — о нём, чьё имя едва различалось в иркутской толпе?.. Он уже третий раз пролетает над Леной в качестве курьера, и каждый

раз толки о нём долго не смолкают на пустынной реке. На станциях он вёл себя как человек, на единичные усилия которого возложено усмирение бунтующего края. Врывался, как ураган, бушевал, наводил панический ужас, грозил пистолетом и... забывал всюду платить курьерские прогоны. Вероятно, благодаря этим приёмам он исполнял поручения в сроки, удивлявшие самых привычных людей, начальство отличало его ещё более. «Курьер» стало кличкой и чуть не постоянной профессией Арабина. Скромный и застенчивый в Иркутске, он становился совершенно другим, лишь только выезжал из города. Быть искренне убеждённым, что всякая власть сильнее всякого закона, и чувствовать себя целые недели единственным представителем власти на огромных пространствах, не встречая нигде ни малейшего сопротивления, — от этого может закружиться голова и посильнее головы казачьего хорунжего.

И она действительно кружилась. В последний проезд он уже скакал через редкие города (Киренск, Верхоленск и Олекму), стоя в повозке и размахивая над головой красным флагом. В этом было что-то фантастическое: две тройки мчались, как птицы, со смертельным ужасом в глазах, ямщик походил на мертвеца, застывшего на облучке с вожжами в руках; седок стоял, сверкал глазами и размахивал флагом. Местные власти покачивали головами, обыватели разбегались. В этот проезд Арабин отметил свой путь таким количеством павших лошадей, воплей и жалоб, прорвавшихся наконец наружу, что почтовое начальство сочло необходимым вмешаться. Забегая вперёд, скажу только, что из-за Арабина поссорились два ведомства, что непосредственное начальство курьера вынуждено было всё-таки отказаться от его услуг, но, снабжённый отличными рекомендациями, он перешёл на службу ещё дальше на восток и там, на Амуре, застрелил наконец наповал станционного смотрителя. Тогда об Арабын-тойоне заговорили даже в России и только тогда узнали, что судить, в сущности, некого, так как знаменитый курьер был уже... вполне сумасшедшим.

Такова дальнейшая история грозного и несчастного Арабын- тойона, ожидаемого в эту ночь на далёком Ат-Даване. Вот о ком скрипела и завывала унылая якутская песня в ямщицкой юрте.

Сторож принёс в печку дров, в ямщицкой юрте огромный камелёк тоже весь заставлен дровами, так как огонь разводится на всю ночь. Пламя разгорелось и трещало. В приоткрытую дверь все еще виднелись у огня фигуры ямщиков, лежавших вокруг камелька на скамьях. Ат-Даван успокоился на ночь.

Господин Кругликов отвёл нам соседнюю комнату, где Копыленков тотчас же заснул. Станционная комната осталась незанятой.

— Для Арабина? — спросил я.

— Да, — как-то особенно угрюмо ответил Кругликов.

Женщина, прислуживавшая нам, вероятно, давно спала, поэтому г-н Кругликов хлопотал сам: он накидал в самовар мелкого льду, бросил углей и поставил его, на случай, у камелька. Потом принялся убирать со стола, причём не преминул, уставляя бутылки, выпить ещё рюмку какого-то напитка. Он становился всё более мрачен, но казалось, сон совсем не имел над ним власти.

Наконец на Ат-Даване всё смолкло. Только по временам снаружи трещал мороз да в потемневших комнатах, по которым пробегали теперь только трепетные красноватые отблески пламени, слышались глухие шаги и шлёпанье валенок, а порой тихо звенела рюмка и булькала наливаемая жидкость. Г-н Кругликов, которому, расшевелившиеся воспоминания, по-видимому, не давали заснуть, как-то тоскливо совался по станции, вздыхал, молился или ворчал что-то про себя.

Я забылся...

Когда очнулся, была всё ещё глухая ночь, но Ат-Даван весь опять жил, сиял и двигался. Со двора нёсся звон, хлопали двери, бегали ямщики, фыркали и стучали копытами по скрипучему снегу быстро проводимые под стенами лошади, тревожно звенели дуги с колокольцами, и всё это каким-то шумным потоком стремилось со станции к реке.

В соседней комнате г-н Кругликов не торопясь зажигал свечи: серная спичка сначала кинула синеватый мертвенный свет, потом вдруг загорелась и осветила комнату.

Господин Кругликов поднес её к светильне, зажёл свечу и повернулся. Перед ним невдалеке стояла новая фигура: человек в оленьей дохе с капюшоном, запорошенный снегом. Из-под оленьего мешка глядели два чёрных глаза, слегка скошенные, как у карыма, виднелось бледное лицо, тонкий нос и длинные чёрные опущенные книзу усы. По этим чертам я узнал Арабын-тойона, которого с таким тихим трепетом и смирением ждал Ат-Даван уже несколько дней. И в то же время это был мой знакомый, казацкий хорунжий, незначительный и застенчивый в Иркутске.

По-видимому, первый выход обещал, что все сойдёт благополучно. Арабин, очевидно, сильно устал, может быть, от дороги, а может быть, также от роли грозного Арабын-тойона... Казалось, он хочет просто отдохнуть, выпить чаю, прилечь... Теперь он стоял, слегка опустившись, с сонным лицом в ожидании света. Только по временам в мутных глазах загоралось нетерпение... Зато с г-ном Кругликовым произошла резкая перемена: он совсем не был похож на того маленького, невзрачного и смешного человечка, который ещё вчера униженно просил пожалеть его и не требовать лошадей. Теперь он был угрюм, серьёзен и сдержан. Движения его были неторопливы и полны какой-то решимости. Он даже как будто вырос. По-видимому, вчерашний рассказ, большое количество водки, пары которой только проходили через его голову, разгорячённую старыми растревоженными воспоминаниями, и ночь без сна, — всё это не прошло для г-на Кругликова даром.

— Чёрт возьми! — произнёс Арабин нетерпеливо. — Шевелись там!

— Покорнейше прошу потише, здесь проезжающие, — спокойно отвечал Кругликов.

Арабин снимал свою шапку и когда снял её, то в его чёрных глазах сверкнуло что-то вроде изумления. Однако он всё ещё, по-видимому, старался удержаться.

— Самовар! — буркнул он, кидая доху и садясь к столу.

— Готов.

— Лошадей!

— Пожалуйте прогоны.

Голова Арабина, низко остриженная, с тонкими, слегка торчащими по-монгольски ушами, повернулась тревожно и живо. В глазах сверкнуло уже что-то порезче простого удивления. Он поднялся и произнёс опять:

— Лошадей, живо!

— Прогоны пожалуйста, — с каким-то вызывающим спокойствием отрезал г-н Кругликов.

Вблизи меня что-то зашевелилось. Проснувшийся Копыленков, полусидя на кровати, старался без шума натянуть какую-то принадлежность костюма с таким видом, будто на станции начинался пожар или неприятельское нашествие. Его шея была вытянута, простодушно-хитрые глаза сверкали в полутьме от испуга и любопытства.

— Н-ну, что-то будет, — наклонясь вдруг ко мне, прошептал он, — беда!.. И отчаянный же этот Кругликов... Помни, братец ты мой, мы с тобой ничего не видали, — в свидетели ещё попадёшь...

Только теперь, после этих слов, я сообразил положение вещей... Спрашивать у г-на Арабина, известного и грозного Арабын-тойона, прогоны да ещё таким решительным тоном, да ещё как условие подачи лошадей, — это была со стороны смиренного, приютившегося под дикими горами Ат-Давана неслыханная дерзость.

Арабин вскочил, сердито дёрнул к себе сумку, выхватил какую-то бумагу и порывисто швырнул её Кругликову. По всему было видно, что он, усталый и разбитый, хочет удержаться в известных пределах, что ему теперь тяжела и неприятна роль грозного Арабын-тойона в этот поздний час на тёплом и освещённом Ат-Даване. Но он не хотел также платить прогоны, тем более что эта тихая, смиренная Лена имеет одну особенность: заплати г-н Арабин на Ат-Даване — и его престиж сразу падёт, и уже всюду, на протяжении трёх тысяч вёрст, ямщики от станка до станка разнесут известие, что улахан Арабын-тойон сдался и

платит... И всюду уже с него неотступно потребуют тоже прогонов. Он, вероятно, надеялся ещё, что Кругликов забыл, кто он такой, и бумага ему напомнит. Но вышло ещё хуже.

Кругликов, всё так же не торопясь, развернул бумагу, прочитал её внимательно, долго переводил глаза от строки к строке и потом сказал:

— Здесь вот сказано: «на четвёрку лошадей за установленные прогоны». А вы берёте шестёрку под две повозки и не изволите платить прогонов. Незаконно-с...

Голос его звучал тоже спокойно, но он как будто разнёсся по всему Ат-Давану. Шум, которым был полон станок, приостановился, ямщики теснились с робким интересом к дверям, ведущим из ямщицкой в горницы. Копыленков притаил дыхание.

Арабин встрепенулся, окинул станок вспыхнувшим взглядом, выпрямился, стукнул кулаком по столу, и по лицу его пробежало зловещее выражение.

— Молить! — крикнул он. — Это что... бунт?

— Никакого бунту-с, а по закону. По указу его императорского величества. Что, в самом деле, до коих пор...

Кругликов не успел закончить. Сильный удар свалил его с ног... Арабин кинулся было к лежащему.

Я вбежал в ту комнату и остановился. Арабин стоял против меня, удивлённый моим неожиданным появлением. Это, вероятно, спасло и Кругликова, и самого Арабина от дальнейших последствий его исступления. Бледное лицо его подергивалось, в глазах бегало что-то беспокойное и больное. Казалось, казацкий хорунжий, забывший на Лене о том, что он только казацкий хорунжий, и сам уже отвык представлять себя иначе, как Арабын-Тойоном, могучим и грозным, с головой выше приленских сопок. И вдруг моё появление перенесло его в Иркутск, в низкую комнату, где голова хорунжего далеко не достигала потолка и не поднималась выше десятков других самых обыкновенных голов.

Однако Ат-Даван не заметил ни этой растерянности, ни этого душевного движения. Он видел только удар, видел, что писарь лежал на полу. Двери из ямской захлопнулись, на дворе опять началась беготня. Из нашей комнаты слышался притворный храп Михаило Ивановича.

Очевидно, бунт в Ат-Даване прекратился, и Арабын-тойон остался для Ат-Давана тем же могучим и грозным, о котором недавно пела песня.

Через несколько мгновений Кругликов поднялся с полу, и тотчас же мои глаза встретились с его глазами. Я невольно отвернулся. Во взгляде Кругликова было что-то до такой степени жалкое, что у меня сжалось сердце, — так смотрят только у нас на Руси!.. Он встал, отошёл к стене и, прислоняясь плечом, закрыл лицо руками. Фигура опять была вчерашняя, только ещё более убитая, приниженная и жалкая.

Женщина торопливо внесла самовар, искоса и с жалостью кинув на хозяина быстрый взгляд... Арабин, тяжело дыша, уселся за самовар.

— Я вам пок-кажу бунтовать! — ворчал он. Дальше разобрать было трудно. Слышно было, однако, какое-то упоминание о «свидетелях», которым г-н Арабин советовал отправиться ко всем чертям, о чести мундира и ещё что-то в том же роде.

Между тем в полутьме нашей комнаты Михаил Иванович Копыленков спешно заканчивал свой туалет. Через несколько минут он появился в дверях, одетый, застегиваясь, покашливая и стараясь изобразить на лице приветливую улыбку.

Арабин взглянул на это неожиданное появление выражением сердитого недоумения. По-видимому, он не мог понять сразу, что нужно этому улыбающемуся, подпрыгивающему на ходу и кланяющемуся незнакомцу, однако приятные улыбки и поклоны озадачивали его и предупреждали вспышку не утихшей ещё свирепости. Он подносил слегка дрожащею рукой блюдце с горячим чаем и искоса недоброжелательно следил за манёврами Копыленкова.

— Вам что надо? — вдруг отчеканил он резко, ставя блюдце на стол.

Копыленков чуть-чуть дрогнул, но тотчас же опять принял прежнее выражение подловатой любезности.

— Собственно, ничего-с. Почтение засвидетельствовать... Не изволили признать, видно... У Лев Степановича, у горного исправника, если изволите вспомнить, имели разговор и даже-с... дельце одно проходило...

— А-а!.. Ну так, — произнёс Арабин, опять принимаясь за чай. — Теперь помню.

— Именно-с, — обрадовался Копыленков. — А могу побеспокоить вопросом, по какому поручению изволите?..

— Не ваше дело!

— Это справедливо, — смиренно согласился Михаил Иванович. — Может, касающее секрета...

Бедняга не мог понять, что самое упоминание об Иркутске, о горном исправнике, обо всех этих будничных делах не могло быть приятно Арабын-тойону, всё ещё находившемуся в эпическом, сказочном мире.

— Справедливо-с, — в раздумье ещё раз произнёс Копыленков и, чтобы удержать позицию, прибавил: — Сердиться изволили тут мало-мало... Да уж истинно, что в здешних местах ангел — и тот рассердится. Верно.

Он покосился в сторону Кругликова и вздохнул:

— Необразованность!

Однако и это не помогло. Арабин не обратил на него внимания, допил стакан, вынул книжку, что-то записал в ней, потом торопливо оделся, рванулся к двери, потом остановился, взглянул, нет ли в дверях кого-либо из ямщиков и, будто обдумав что-то, вдруг резким движением швырнул деньги. Две бумажки мелькнули в воздухе, серебро со звоном покатилося на пол. Арабин исчез за дверью, и через минуту колокольчики бешено забились на реке под обрывом.

Всё это было сделано так неожиданно и быстро, что все мы, трое безмолвных свидетелей этой сцены, не сразу сообразили, что это значит. Как всегда в денежных вопросах, первый, однако, догадался Копыленков.

— Уплатил! — произнёс он с величайшим изумлением. — Слышь ты, Кругликов? Ведь это, смотри, прогоны. Ах ты, братец мой!.. Вот так история!

Из ямщиков никто не был свидетелем этой уступки со стороны грозного Арабын-тойона.

Поздним утром следующего дня мы с Копыленковым опять усаживались в свой возок. Мороз не уменьшался. Из-за гор, синевших в морозном тумане за рекой, бледными столбами прорывались лучи восходящего солнца. Лошади бились, и ямщики с трудом удерживали озябшую тройку.

На Ат-Даване было грустно, серо и тихо. Кругликов, подавленный обрушившеюся вчера невзгодой, угнетённый и принижённый, проводил нас до саней, вздрагивая от холода, похмелья и печали. Он с каким-то подобострастием подсаживал Копыленкова, запахивал его ноги кошмой, задергивал пологом.

— Михаил Иванович, — произнёс он с робкою мольбой, будьте благодетель, не забудьте насчёт местечка-то. Теперь уж мне здесь не служить! Сами видели, грех какой вышел...

— Хорошо, хорошо, братец! — как-то неохотно ответил Копыленков.

В эту минуту ямщики, державшие лошадей, раскочились в стороны, тройка подхватила с места, и мы понеслись по ледяной дороге. Обрывистый берег убежал назад, туманные сопки, на которые я глядел вчера — таинственные и фантастические под сиянием луны, — надвигались на нас теперь — хмурые и холодные.

— Ну что ж, Михаил Иванович, — спросил я, когда тройка побежала ровнее, — доставите вы ему место?

— Нет, — ответил Копыленков равнодушно.

— Но почему же?

— Вредный человек-с, самый опасный, д-да!.. Вы вот рассудите-ка об его поступках. Ну, захотел он тогда, в Кронштадте-то в этом, начальника уважить — и уважь! Отказался бы вчистую от невесты и был бы век свой счастлив. Мало ли их, невестов этих. От одной,

отступился — взял другую, только и было. А его бы за это человеком сделали. Нет, он, вот посмотрите, как уважил... из пистолета! Ты, братец, суди по человечеству: ну, кому это может быть приятно? И что это за поведение за такое?.. Сегодня он вас этак уважил, а завтра меня.

— Да ведь это давно было. Теперь он не тот.

— Нет, не скажи! Слышал, чай, как он вчера с Арабиным-то разговаривал...

— Я слышал: требовал прогоны — это его обязанность.

Копыленков повернулся с досадой ко мне:

— Ведь вот умный ты человек, а простого дела не понимаешь, гоны!.. Нечто он ему одному не платил? Чай, он, может, сколько сячей верст ехал, нигде не платил. На вот, ему одному подавай, птица!

— Обязан платить.

— Обязан! Кто его обязал-то, не вы ли с Кругликовым?

— Закон, Михаил Иванович.

— Закон... То-то вот и он вчера заладил: закон. Да он знает ли ещё, какое это слово: «закон»?

— Какое?

— А такое: раз ты его скажи, десять раз про себя поддержи, пока не спросят. А то, вишь ты, развеличался: «Закон, по закону!..» Дубина ты, а не закон тебе. Нашёлся тоже большой человек — начальнику законы указывать...

Видя, что Михаил Иванович начинает сердиться свыше всей меры, и опасаясь, чтоб окончательно не испортить дела, я попробовал зайти в интерес Кругликова с другой стороны.

— Однако вспомните, Михаил Иванович, ведь вы же ему обещали.

— Мало ли что обещал... Разжалобился, оттого и обещал... Подымай! — крикнул вдруг Михаил Иванович, так как возок, скользя с наклонной льдины, опять опрокинулся, и опять Михаил Иванович очутился подо мной.

Пришлось выйти. Вероятно, в этом месте борьба реки с морозом была особенно сильна: огромные белые холодные льдины обступили нас кругом, закрывая перспективу реки. Только по сторонам дикие и даже страшные в своём величии горы выступили резко из тумана, да вддали, над хаотически нагромождённым торосом, тянулась едва заметная белая струйка дыма...

Это, должно быть, и был Ат-Даван.

Заключение

Ат-Даван станция на Лене, образованная 1869 году (находится в трехстах верст выше Якутска).

«Ат –
Даван»-
1869г

На Ат-Даване было грустно, серо и тихо. А когда ездила почта, на бедном Ат-Даване, приютившемся под каменными горами, этот пролет почты - целое событие. Дикая тайга, каменистые тропинки над Леной, угрюмый и сиротливый Ат-Даван- имеет свои песни. Про эту станцию пишет великий писатель - Владимир Галактионович Короленко. На этой

станции они и остались на ночь. Потом у них произошел конфликт. В этом рассказе все очень хорошо изображается о станции!!!

Ямщики- это те люди, которые возят кого - либо или что - либо. В то время ямщики и почтовые были бедными. Комфортно им было весной, осенью и летом. А зимой они постоянно мерзли, так как были тонко одеты. А когда заезжали на станцию совсем чуть - чуть грелись, кушали и снова отправлялись до другой станции. Потом, ночевали, меняли лошадей и отправлялись в дорогу. А для того чтобы согреться, они пили спиртные напитки. Еще ямщик должен быть сильным, чтобы поднимать воз, когда он упал или перевернулся. А падала телега из-за неровно застывшего льда. Когда падал воз - это было и опасно, потому что ввозу сидели люди. В наше время мы не можем представить себе, как,тогда жили ямщики. Еще в то время температура воздуха зимой была очень низкая!!!

Якутская ссылка, безусловно, наложила отпечаток на сознание, образ мыслей В.Г. Короленко, отразившись в поэтике его произведений. Об этом свидетельствует анализ его творчества 1880-1900х годов. В русской литературе конца XIX века усиливается лирико-философское начало, что объясняется драматизмом этой эпохи. В связи с необходимостью перевооружения языка, потребностью в освоении действительности в емких, экономных формах возрастает интерес к фольклору, легендам, сказкам, к библейским сюжетам, где лиризм сочетается с эпической широтой и философской углубленностью. Эти общие особенности русского литературного процесса данного периода, его развития имели место и в творчестве В.Г. Короленко, но все это существенно дополнялось и видоизменялось в связи с положением и душевным состоянием писателя, испытавшего якутскую ссылку.

Литература:

1. Амгинский улус: История. Культура. Фольклор.- Якутск: Бичик, 2001.-312 с.- Улусы Республики Саха (Якутия).
2. Олѣкминский улус: История. Культура. Фольклор /Администрация МО Олѣкминского улуса; Ин-т гуманитар. исслед. АН РС(Я); [ред.кол. Т.Н.Оглезнева и др.]. – Якутск: Бичик, 2006. – 288с.
3. Хангалас: Историко-краеведческий атлас/ Институт гуманитарных исследований; Министерство охраны природы; Благотворительный фонд «Үс тиит»; Сост.Г.Е.Шадрина. – Якутск: Кудук, 2000.-130с. (Священные и памятные места).
4. <http://www.microarticles.ru/article/Biografija-vg-korolenko.html>